

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

“ПАМЯТИ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ»

Сегодня мы расскажем вам об удивительном человеке – поэте Ольге Фёдоровне Берггольц. Это её называли Голосом блокадного Ленинграда и Блокадной музой. Это она написала знакомые всем и такие пронзительные слова – «Никто не забыт и ничто не забыто» - на камнях Пискаревского мемориального кладбища.

К сожалению, до недавнего времени мы мало знали о ней, о её поистине трагической судьбе. Но сейчас многое становится известным, к 100-летию со дня её рождения в прошлом году были переизданы сборники её стихов, увидела свет книга «Ольга. Запретный дневник». Со страниц этой книги встаёт образ мужественной и сильной духом женщины, страстно влюблённой в свою страну и свой город. Она, пережившая несправедливый арест и тюремные издевательства в 1939 году, похоронившая до войны двоих маленьких дочерей, а в январе 42-го – мужа, написала в 1960-ом:

А я вам говорю, что нет
Напрасно прожитых мной лет,
Ненужно пройденных путей,
Впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
Нет мнимо розданных даров,
Любви напрасной тоже нет,
Любви обманутой, больной, -
Её нетленно-чистый свет
Всегда во мне, всегда со мной.
И никогда не поздно снова
Начать всю жизнь, начать весь путь,
И так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
Ни стоны бы не зачеркнуть.

В 1975 году, когда Ольга Берггольц умерла, партийные власти отказались выполнить её последнюю волю – похоронить её со «своими», на Пискаревском кладбище. Похороны прошли на Волковском кладбище. Но её слова, сказанные незадолго до смерти, оказались, как и у всех действительно ВЕЛИКИХ поэтов, пророческими:

Вот обижали и судили,
Забрасывали клеветой,
А всё-таки не разлюбили
Ни глаз моих, ни голос мой.

Ольга Фёдоровна Берггольц родилась в Петербурге в 1910 году в семье врача. Училась в школе за Невской заставой, которую закончила в 1926 году. Первое её стихотворение «Пионерам» было напечатано в газете «Ленинские искры» в 1925 году.

В 1930 году, закончив филологический факультет Ленинградского университета, уезжает в Казахстан корреспондентом газеты «Советская степь».

13 декабря 1938 года была арестована по обвинению «в связи с врагами народа». Подвергалась пыткам, в результате которых потеряла ребёнка. 1 июля 1939 года освобождена и полностью реабилитирована. А её первый муж – поэт Борис Корнилов был расстрелян в феврале 1938 года.

В годы Великой Отечественной войны, оставаясь в осаждённом Ленинграде, работала на радио, почти ежедневно обращаясь в эфире к ленинградцам. Её второй муж, литературовед Николай Молчанов, умер от голода. Отец, Фёдор Христофорович Берггольц, высылается органами НКВД по национальному признаку в Красноярский край в марте 1942 года. А она в это время создала лучшие свои произведения, посвящённые защитникам и жителям блокадного Ленинграда.

Умерла в Ленинграде 13 ноября 1975 года. Похоронена на Литераторских мостках Волковского кладбища. В 1994 году её было посмертно присвоено звание «Почётный гражданин Санкт-Петербурга». А вот памятник на её могиле появился только в 1995 году.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРА РУБАШКИНА:

Война стала одной из вершин, взятых поэтессой. Пройдя через испытания тюрьмой, едва её не сгубившие, она нашла силы выразить настроения и переживания двух важнейших этапов своей жизни. О стихах предвоенных, тюремных, мало кто знал, но они звучали в ней. Как и другие, открытые, искренние июня 1941 года, выразившие её гражданскую позицию:

Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
Горьких лет гонения и зла,

Но в слепящей вспышке поняла:
Это не со мной – с Тобою было,
Это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена –
Встала бы на зов Твой из могилы,
Все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С тёмной радугой над головой.

Он настал, наш час,
и что он значит –
Только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя – я не могу иначе.
Я Ты – по-прежнему вдвоём.

Этих слов Родина тогда не услышала. Но если бы Ольга Берггольц их не написала, ей было бы трудно выполнить миссию «Блокадной музыки». Она стала ею во много благодаря радио. «Сквозь рупора звучащий голос мой» - так вспоминала Берггольц уже конец августа сорок первого, когда враг был у ворот города.

Радио позволило ей стать голосом блокадного Ленинграда, беседовать со своими согражданами, помогать им выдержать неисчислимыя беды и потери. Голодные люди в промёрзших квартирах, лишённых света и воды, прислушивались к репродуктору, порой едва шептавшему. Голос Ленинградского радио, голос Берггольц, выходя в эфир, прорывал блокаду.

Потом, уже летом 1942-го, была её «Ленинградская поэма» с её железными строками «сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам», их тоже услышали за блокадным кольцом. Её земляки понимали: с ними – «по праву разделённого страданья» - говорит близкий им человек, такой же, как они, блокадник.

Я говорю с тобой под свист снарядов,

Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
В моё лицо закинутое бьёт.
В бомбоубежищах уснули дети,
Ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом – смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжёлый день любой.
Но мы забыли, что такое слёзы,
Что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады,
Мы не покинем наших баррикад.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕОРГИЯ МАКОГОНЕНКО:

Окаменевшую от горя, еле державшуюся на ногах от истощения, бездомную (нельзя же было оставаться в вымерзшей, покрытой инеем квартире), я привёл Ольгу Фёдоровну в Дом радио, где все мы, сотрудники, жили на казарменном положении, Здесь ей, среди друзей, было легче.

Я знаю, слишком знаю это зданье,
И каждый раз, когда иду сюда,
Всё кажется, что вышла на свиданье
Сама с собой, такой же, как тогда.
Но это больше, чем воспоминанье.

.....

Здесь, как в бреду, всё было смещено:
Здесь умирали, стряпали и ели,

А те, кто мог ещё вставать с постелей,
Пораньше утром, растворив окно,
В кружок усевшись, перьями скрипели.

Отсюда передачи шли на город –
Стихи и сводки, и о хлебе весть.
Здесь жили дикторы и репортёры,
Поэт, артистки... всех не перечеть.

Из поэмы «Твой путь»

В трагических обстоятельствах, сложившихся у Ольги Берггольц, -
неуклонно наступавшая дистрофия, болезнь и смерть мужа – только работа, только ежечасное
ощущение своей нужности осаждённому городу, его защитникам, только ясное сознание, что она
выполняет долг поэта-бойца, могли ей помочь, рождали бы те духовные силы, которые
побеждали физическую слабость и личное горе. Такой жизнью и могла только жить Ольга
Берггольц. В этом был секрет сопротивляемости и выживания.

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоём.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своём.

Вот мы прожили почти полгода,
Полтора суток длится бой.
Тяжелы страдания народа –
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик хлеба –
Он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слышать свист –
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви.

Столько, что минутами в смятенье
Ты сама себя не узнаёшь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?»
Вынесешь. Дотерпишь. Доживёшь.

Новогодние передачи для Ленинграда были особенно трудными. Ленинградцы встречали 1942-й год в ужасных условиях. Огромное число рабочих и служащих жило на казарменном положении и, естественно, Новый год они встретят вместе, в общежитиях. Будет свет и тепло, а главное – не будет одиночества. Но сотни тысяч останутся в своих промёрзших квартирах без света, - лишь у немногих будет теплиться слабый огонёк самодельной свечки или коптилки. Ослабевшие даже не смогут подняться с постелей. Их связь с миром поддерживалась только через радио, и в этот, когда-то светлый и праздничный, вечер, они с особым напряжением станут ждать – что скажут по радио? Нельзя было обманывать это ожидание, эту веру в радио, нельзя было делать вид, что мы забыли, что 31 декабря – не обычный, а новогодний вечер.

...Естественным в этой ситуации было обращение к Ольге Берггольц. Естественным, потому что она многие свои стихи, написанные для радио, строила как живой разговор с каким-нибудь конкретным собеседником: соседкой Дарье Власьевной, сестрой... Это обращение к собеседнику придавало удивительную эмоциональную силу её стихам.

Нам показалось, что не меньше возможностей таит в себе прозаический разговор с ленинградцами. Преодолевая слабость, Ольга Фёдоровна согласилась. 29 декабря состоялась первая беседа.

«Дорогие товарищи! Послезавтра мы будем встречать Новый год. Год тысяча девятьсот сорок второй. Ещё никогда не было в Ленинграде такой новогодней ночи, как нынешняя. Мне незачем рассказывать вам, КАКАЯ она. Каждый ленинградец знает об этом сам, каждый чувствует сейчас, вот в эту минуту, её небывалое дыхание... И всё-таки, вопреки всему, да будет в суровых наших жилищах праздник. Ведь мы встречаем 1942-й в СВОЁМ Ленинграде, - наша армия и мы вместе с ней не отдали его немцу, не дали ему вторгнуться в город. Мы остановили врага. Наш город в кольце, но не в плену, не в рабстве.

Это уже безмерно много.

Да, нам сейчас трудно... Но мы верим...нет, не верим – ЗНАЕМ - она будет! Ведь немцев отогнали от Москвы, ведь наши войска отбили обратно Тихвин. Победа придёт, мы добьёмся её, и будет вновь в Ленинграде и тепло, и светло, и даже...весело. И может быть, товарищи, мы увидим, наш сегодняшний паёк, этот бедный, чёрный кусочек хлеба, в витрине какого-нибудь музея... И мы вспомним тогда наши сегодняшние – декабрьские – дни с удивлением, с уважением, с законной гордостью».

Специальный номер «Радиоэроники» был посвящён встрече Нового года. Для этого номера, который передавался поздним вечером 31 декабря, Ольга Берггольц написала стихотворение «Новогодний тост»:

В ещё невиданном уборе –
Завьюженный огромный дот, -
Так Ленинград, гвардеец-город,
Встречает этот Новый год.
Как беден стол, как меркнут свечи!
Но я клянусь: мы никогда
Правдивей и теплее встречи
Не знали в прежние года...

В январе дистрофия ожесточённо пыталась сломить её волю к жизни, уничтожить сопротивляемость. И у нас родился план поручить Ольге Берггольц срочную и ответственную работу. Мы решили поручить ей написать поэму о блокаде, о сражающемся и сопротивляющемся в осаде городе. При этом была указана дата – поэма о Ленинграде должна быть написана к 23 февраля. Предложение было неожиданным для Ольги Фёдоровны: она раньше поэм не писала. Но высокое чувство ответственности, сознание своего долга и выработанная за месяцы войны внутренняя дисциплина определили её решение. Если нужно – значит, она обязана сделать. И к середине февраля поэма бала написана.

Ночью она прочитала нам её, названную «Февральский дневник». Форма повествования – дневник – естественно сочетала лично пережитое ею и общее в судьбе всех ленинградцев, живущих в осаждённом городе. Поразителен был совершенно новый, впервые созданный образ великого города, о котором столько было написано русскими поэтами. Будничные и горестные приметы блокадного быта обретали высокий поэтический смысл.

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина.
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,

Дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
За много вёрст, в густой туманной мгле,
В глуши слепых, обледеневших зданий
Отыскивая угол потеплей.

.....

А девушка с лицом заиндевелым,
Упрямо стиснув почерневший рот,
Завёрнутое в одеяло тело
На Охтинское кладбище везёт.

Везёт, качаясь, - к вечеру б добраться...

Глаза бесстрашно смотрят в темноту.

Скинь шапку, гражданин!

Провозят ленинградца,

Погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...

Как многих нам уже не досчитаться!

Но мы не плачем: правду говорят,

Что слёзы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слёз для сердца мало.

Нам ненависть заплакать не даёт.

Нам ненависть залогом жизни стала:

Объединяет, греет и ведёт.

Поэма «Февральский дневник» была впервые прочитана Ольгой Берггольц 22 февраля 1942 года в очередном номере «Радиохроники». Для неё это был рубеж: она почувствовала и поняла, что теперь навечно связала себя с Ленинградом, что завоевала дорогой ценой звание поэта своего города.

Я никогда героем не была.

Не жаждала ни славы, ни награды.

Дыша одним дыханием с Ленинградом,

Я не геройствовала, а жила.

А дистрофия продолжала своё грозное дело. Ольга Фёдоровна с каждым днём всё больше слабела. Нужно было срочно вывезти её на Большую землю. 1 марта Ольга Берггольц вылетела в Москву, где прожила почти два месяца. Этот период её жизни получил отражение в её письмах из Москвы:

8 марта 1942

«...Я тосковала отчаянно, смертно, - так, что порой ненавидела всех за то, что выпихнули меня из Ленинграда, оторвали от себя, от горькой ленинградской жизни. Знаешь, свет, тепло, ванна, харчи – всё это отлично, но как объяснить тебе, что это ещё вовсе не жизнь – это СУММА удобств.

Существовать, конечно, можно, но ЖИТЬ – нельзя. И нельзя жить именно после ленинградского быта, который есть бытие, обнажённое, грозное, почти освобождённое от разной шелухи. Я только теперь вполне ощутила, каким, несмотря на все наши коммунальные ужасы, воздухом дышали мы в Ленинграде: высокогорным, разреженным, очень чистым... Я мечтаю о том, чтобы поскорее вернуться в Ленинград, я просто не могу здесь жить...

...По приезде в Москву через два дня я убедилась, что о Ленинграде ничего не знают. Ни у кого не было даже приближённого представления о том, что переживает город. Понимаешь, говорили, что ленинградцы – герои, восхищались их мужеством и т.д., а в чём оно – не знали. Не знали, что мы голодаем, что люди умирают от голода, что нет транспорта, нет огня, нет воды. Ничего не слышали о такой болезни, как дистрофия.

Отсюда – все мои дела литературные. На радио не успела я раскрыть рта, как мне сказали: «Можно обо всём, но никаких упоминаний о голоде. Ни-ни. О мужестве, о героизме ленинградском – это то, что нам просто необходимо, как и всё о Ленинграде. Но о голоде ни слова.

18 апреля 1942

Я так хочу в Ленинград, что задержка здесь кажется мне сплошным заговором против меня... Ах, скорее бы, скорее бы к вам.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФЁДОРА АБРАМОВА:

Я знаю, не понаслышке знаю, что такое блокада. Я не забыл, как в самую страшную пору – в декабре-январе лежал в нетопленном госпитале с простреленными ногами. Лежал в рукавицах, в солдатской шапке-ушанке, а сверху был завален ещё двумя матрацами.

Так ведь то было в военном госпитале, где была худо-бедно трёхразовая кормёжка и какой-никакой уход за больными. А что сказать о тех, домашних, госпиталях? Ведь Ленинград – мы помним это – на три четверти в то время был госпиталем. Великое множество замороженных склепов и пещер, в которых умирали истощённые ленинградцы.

И может быть, самым страшным для них, для этих умирающих, был ещё не голод, не стужа, не кромешная тьма, а одиночество. Да, да, одиночество, когда некому сказать тебе последнего слова, когда не от кого услышать слова поддержки и утешения.

И вот в часы этого страшного одиночества над головой блокадника из замороженного, мохнатого от инея репродуктора-тарелки вдруг раздавался живой человеческий голос. Голос, опалённый ненавистью врагу, голос, взывающий к жизни, к борьбе. То был голос Ольги Берггольц.

Двойною жизнью мы сейчас живём:

В кольце, во мраке, в голоде, в печали

Мы дышим завтрашним,

Свободным, щедрым днём,

Мы этот день уже завоевали

И тогда совершалось чудо: силою слова, силою одного только человеческого слова, правда, слова Ольги Берггольц, безнадежно больные, истощённые, умирающие воскресали к жизни.

Но человеку надо не только помочь жить. Человеку надо ещё помочь умереть. Умереть достойно, по-человечески. И эт, между прочим, хорошо понимала и понимает церковь, облегчая душевные страдания умирающего словами утешения и отпущения земных грехов.

Ольга Берггольц не утешала, не отпускала грехов. Да и какие грехи могли быть у блокадных ленинградцев? Она давала умирающим веру – веру в торжество света и разума, веру в Победу, в Победу человека над оборотнем, над двуногим зверем.

Ольга Берггольц прожила большую жизнь. Ей выпало великое и трудное счастье стать поэтической музой, поэтическим знаменем блокадного Ленинграда... Она перешагнула за порог жизни, чтобы обрести новую жизнь, обрести бессмертие, стать легендой. Она умерла, чтобы жить в веках. Жить столько же долго, сколько суждено жить нашему бессмертному городу на Неве.

На её похоронах поэт Михаил Дудин, хорошо знавший Ольгу Берггольц, сказал о ней: «Она, сама того не понимая, стала символом стойкости,,, её голос помогал соединять пространства и души в один общий порыв, в одно общее усилие. Её личный опыт трагедии заставлял находить безошибочно точные слова – слова, равные пайке блокадного хлеба».

И именно такие безошибочно точные слова, слова, написанные музой блокадного города, высечены на гранитной стене Пискарёвского мемориального кладбища:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имён благородных мы всех перечислить не сможем,

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

Никто не забыт и ничто не забыто.

В город ломились враги, в броню и железо одеты,

Но с армией вместе встали

Рабочие, школьники, учителя, ополченцы.

И все, как один, сказали они:

«Скорее смерть испугается нас, чем мы смерти».

Не забыта голодная, лютая, тёмная

Зима сорок первого – сорок второго,

Ни свирепость обстрелов,

Ни ужас бомбёжек в сорок третьем.

Вся земля городская пробита.

Ни одной вашей жизни, товарищи, не позабыто.

Под непрерывным огнём с неба, с земли и с воды

Подвиг свой ежедневный

Вы свершали достойно и просто,

И вместе с отчизной своей

Вы все одержали победу.

Так пусть же пред жизнью бессмертною вашей

На этом печально-торжественном поле

Вечно склоняет знамёна народ благодарный,

Родина-мать и город-герой Ленинград.